

выработать в этом отношении соответствующие поощрительные стимулы.

Интеграция всецело зависит от широты информационных связей. Информация должна охватывать не только общество, но и сферу его взаимодействия с природой, т.е. становиться существенным фактором социоприродного развития. Характеризуя ценностную структуру информатизации общества, следует заметить, что глобализм как всеобщая идеология позволит решить экологические проблемы.

Таким образом, формирование экологического сознания должно основываться на условиях системности и глобальности с учетом специфики республики. Только в этом случае возможна интеграция Республики Беларусь в Европейское и Мировое сообщество.

«СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ» КАК ДОМИНАНТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

С.А.Елизаров (г.Гомель)

Исторически центральным механизмом формирования восточнославянского менталитета служила крестьянская община. Община — это не просто организационная форма, но и способ жизнедеятельности восточных славян, опосредовавший все их действия. Именно община и сформировала устойчивый стереотип социальной справедливости.

Основу восточнославянского варианта социальной справедливости традиционно выводят из специфики отношения к собственности на главный источник существования крестьянина — на землю. Главный принцип этого отношения — земля либо Божья, либо государственная, что вытекает из традиции рассматривать единственным источником приобретения имущественных прав только личный труд. А так как земля не является продуктом труда, то она не должна находиться в частной собственности, а только во временном пользовании. В связи с этим и право пользования землей и ее плодами в крестьянской среде распространялось только на тех, кто непосредственно работал на земле.

Соответственно, прекращение трудовой деятельности на земле лишало права на ее владение.

Самое страшное для крестьянина - оказаться за нижним пределом потребления, из чего вытекает, во-первых, приверженность традиционной системе хозяйствования, минимизирующей риск разорения; во-вторых, опасность оказаться в наемных работниках и зависеть в обеспечении безопасного уровня своего существования от другого человека. Все это формировало и понимание социальной справедливости как наличие гарантий защиты от разорения и голодной смерти, предоставление каждому труженику минимума необходимых для жизни условий (в первую очередь земли). Община (как передельная, так и подворная) как раз и являлась организацией, представляющей каждому своему члену эти гарантии за счет неотчуждаемости земельного надела.

Подобную крестьянскую систему экономики английский историк Дж. Скотт назвал «моральной экономикой». «Моральная экономика» обеспечивает всего лишь выживание человека на уровне простого существования, но при этом всех членов общества (и в этом состоит ее моральность). «Аморальная» же экономика развитого капитализма обеспечивает высокий уровень материального благосостояния общества, хотя отнюдь не для всех.

С этой же экономической ориентацией связан и характер отношения крестьянства к государству. Государство не должно было изымать у крестьянина жизненно необходимое его семье, а в критические периоды (стихийные бедствия, голод) обязано было поддерживать крестьянство, не допуская угрозы самому крестьянскому существованию.

Общинно-уравнительные традиции не отрицали достойного вознаграждения за старательность и умение, но всегда ограничивали его определенными рамками, выход за пределы которых осуждался, вызывая негативную реакцию, и ассоциировался с «неправедно нажитым». Основным принципом отношения к богатству служит православный принцип «нестрогой прибыльности рыночного обмена». Сущность его в осуждении получения прибыли любым путем. Богатство скорее вызывало подозрение, чем уважение («Богатому черти деньги куют», «Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом» и т.д.). Преобладали мо-

ральные формы стимулирования: качественный и эффективный труд стимулировался не только и не столько материальным вознаграждением, сколько внутренними моральными мотиваторами, что, еще раз подчеркнем, вовсе не отрицало и «справедливого» (с крестьянской точки зрения) материального вознаграждения.

Эффективное сочетание моральных и материальных мотиваций труда - достаточно сложная проблема, решить которую не смогли ни при Советской власти, ни в постперестроечный период: в первом случае налицо абсолютизация моральных факторов (действовавших как реальный стимул только при соответствующем всеобщем энтузиазме, который всегда ограничен во времени), во втором — материальных (не признающих не только восточнославянской традиции «моральной экономики», но и опыта ведущих западных стран по моральному стимулированию эффективного труда).

Как соотносится указанный тип общинной социальной справедливости с его современным вариантом? В 1998 г. коллектив преподавателей ГГТУ им.П.О.Сухого провел социологическое исследование, в процессе которого были опрошены студенты Гомеля и Бреста, рабочие и служащие гг.Гомеля и Добруша (Беларусь), г.Городня (Украина), г.Клинцы (Россия). Исследование показало, что «примитивно-уравнительный» тип ценностной ориентации («все люди должны получать равную долю материальных благ») — явный аутсайдер (12,7%). В основе как наиболее распространенного подхода к социальной справедливости лежит «трудовой принцип» — материальное благополучие должно определяться трудовыми усилиями самого человека, его личной инициативой, способностями, квалификацией, деловыми качествами (75,2% респондентов зафиксировали подобное понимание социальной справедливости).

Сохраняет свою актуальность и принцип «нестрогой прибыльности рыночного обмена». По-прежнему для большинства опрошенных богатство вызывает подозрение. Так, только каждый четвертый социальную справедливость связывает с распределением общественных благ между людьми в зависимости от размеров их капитала.

Для 40% респондентов стремление к богатству, прибыли как главной цели человека искажает подлинный смысл жизни. Для каждого второго богатство имеет смысл как средство более полного удовлетворения своих разумных материальных и духовных потребностей, а для каждого шестого богатство сведено до уровня удовлетворения своих естественных потребностей (классический вариант «моральной экономики»).

В таких условиях человек, достигший высокой степени материального благополучия, имеет реальный шанс на «легитимность» в обществе только при условии, во-первых, соответствия «трудовому принципу» достижения богатства, а во-вторых, оказания помощи бедным и слабым. Именно помощь бедным со стороны преуспевающих воспринимают как важнейшую характеристику гармоничного общества и основу для морального оправдания «капитала» (56,7% респондентов считают, что социальная справедливость — это когда люди получают долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов, личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств, но при этом делятся со слабыми и бедными).

73,8% опрошенных признают за государством роль института, который должен обеспечивать социальную справедливость в обществе, при этом 73,4% считают, что государство должно полностью брать на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивать их в случае беды и в старости при обязательном контроле общества за деятельностью государственных органов. Интенсивность и эффективность государственного патернализма выступают основными критериями для большинства опрошенных при их оценке государственной власти. Однако стремление людей опереться на государственные гарантии не означает их готовности в обмен на это представить государству право бесконтрольного действия. Только чуть более трети (37,8%) респондентов считают, что государство должно полностью брать на себя заботу о благосостоянии своих граждан при отсутствии обязательного контроля за деятельностью государственных органов.

В представлении большинства опрошенных современное государство совершенно неудовлетворительно выполняет свою основную функцию — социальную: и в России, и в Беларуси, и на Украине власть отстранилась от своей роли гаранта социальной

справедливості, бросив людей на произвол судьбы — 49,5% опрошенных считают, что в настоящее время каждый человек рассчитывает только на себя и не надеется на помощь государства, а государство не вмешивается в частную жизнь граждан (при этом только 29,5% считают, что так и должно быть). Только 10,8% респондентов полагают, что государство обеспечивает социальную справедливость в обществе (более всего белорусы — 16,7%). Всего 17,6% опрошенных подтвердили, что сегодня на практике государство полностью заботится о благосостоянии своих граждан и обеспечивает их в случае беды и в старости (при этом отсутствие или наличие контроля за этой деятельностью со стороны общества для респондентов несущественно).

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ДРЭВА ЯК БАЗАВАГА СІМВАЛЯ СТРУКТУРАВАННЯ ПРАСТОРЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ

I.Швед (г.Брэст)

Для навукі канца ХХ стагоддзя актуальнай з'яўляецца праблема «чалавек і сусвет», у вырашэнні якой назіраецца зрух у бок успрыняцця чалавека як касмічнай з'явы (канцэпцыі глабальнага эвалюцыянізму і антропнага касмалагічнага прынцыпу ў сінергетыцы, касмалогіі, фізіцы). Чалавек пачынае (а дакладней, працягвае пасля застою) успрымаць жыццё ва ўсёй яго цэльнасці, якую ўтвараюць, разам з рознымі комплексамі і структурамі, стыхійныя тэндэнцыі, спантанасць, хаос. Таму натуральная цікавасць навукоўцаў да язычніцкай культуры, адгалоскі якой параўнальна добра захаваліся ў архаічных пластах беларускага фальклору, у прыватнасці, разуменне чалавека як тоеснай універсуму істоты, якая ўзнаўляе ў сабе абодва полюсы гэтага універсума: хаос - космас.

Уяўленні пра тоеснасць чалавека і універсума натуральна спарадзілі аднолькавую іх арыентацыю - вертыкальную (хоць існуе думка, што першым варыянтам структуравання міфалагічнай прасторы была гарызантальная мадэль, дзе верхні свет (свет продкаў) - вярхоўе ракі, ніжні свет (памерлых) - яе вусце, а сярэдняе цячэнне ракі - свет жывых людзей. З усяго прыроднага асяроддзя для задачы вертыкальнай (а таксама гарызантальнай) дамінанты Космасу, які папераменна то вы-